

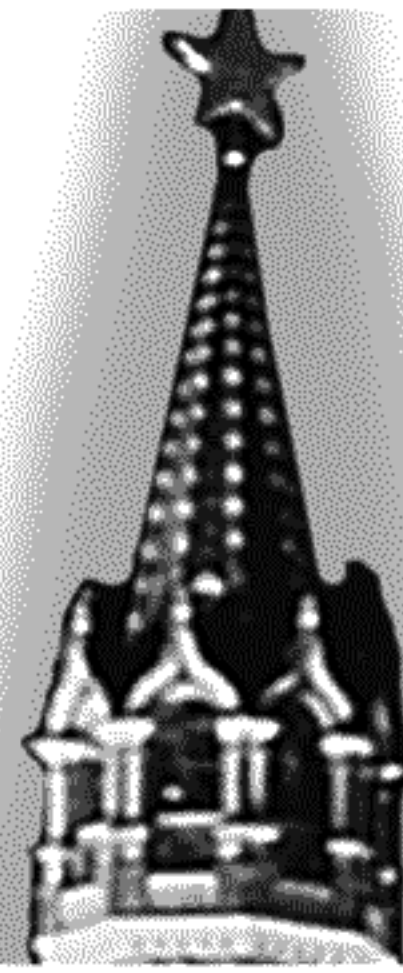
П ОСЛЕ декрета об отделении церкви от государства органам власти с юридической точки зрения вовсе необязательно было получать согласие руководства православной Церкви на изъятие ценностей, тем более на такое богоугодное дело, как избавление людей от голода. Тем не менее государство не встало на формальный путь.

Что же произошло между 1 февраля, когда была достигнута договоренность между Помоголом и Патриархатом, и 23 февраля 1922, когда был опубликован декрет ВЦИК об изъятии церковных ценностей? (Хочу подчеркнуть одну важную деталь этого постановления: ВЦИК предлагал изъять только те "драгоценные предметы из золота, серебра и камней, изъятие которых не может существенно затронуть интересы самого культа"). Дело в том, что намерение Церкви передать часть драгоценных вещей в пользу голодающих быстро стало известно в Западной Европе, и белоэмигранты принялись обсуждать этот вопрос. Парижский журнал "Русская мысль" опубликовал материал, в котором содержался призыв сохранить эти церковные драгоценности для финансирования борьбы против Советской власти. Аналогичные материалы появились и в других изданиях.

У руководителей Советского государства не было свидетельств того, что патриарх Тихон поддерживал эти планы. (Эти выводы я делаю на основе "Обвинительного заключения по делу граждан: Беллавина Василия Ивановича, Фенофенова Никандра Григорьевича, Стадницкого Арсения Георгиевича и Гурьева Петра Викторовича по 62 и 119 ст. Уголовного Кодекса"). Но зная настроения патриарха и его окружения, они вряд ли сомневались в том, что церковники без колебаний отдадут ценности на организацию борьбы с ненавидимой ими властью.

Григорий ГОРЯЧЕНКОВ

СОВЕТЫ И

И потому было принято решение изъять все ценности, без которых можно обойтись при проведении богослужений.

Как сейчас принято говорить, неадекватная реакция Тихона и других церковников на постановление ВЦИК косвенно подтверждала, что у них были какие-то свои планы в отношении драгоценностей, находящихся в пользовании церковных организаций. Подтверждает это и "Секретная инструкция" патриарха Тихона по вопросу об отношении к изъятию церковных ценностей. В ней, в частности указывается: "...важно не что давать, а кому давать. ...укажите о сем пастве на собраниях, на которых вы можете и должны бороться против изъятия ценностей".

Антисоветчики, живописуя репрессии Советской власти, с которыми она беспощадно обрушилась на организаторов и активных участников сопротивления изъятию драгоценностей, никогда не говорят о жертвах, павших от рук этих "несчастных", о кровавых самосудах, которые устраивали толпы разгневанных верующих над членами комиссий по изъятию ценностей.

А между тем, призыв патриарха был услышан тысячами и тысячами верующих. В литературе, изданной в Западной Европе, называется обычно цифра 1414 — количество кровавых столкновений. Не знаю, насколько верны эти данные. В советских источниках я их не встречал, а в западных число столкновений могло быть и завышено: чтобы показать массовость антисоветских выступлений. Но их действительно было много — в Москве, Петрограде, Смоленске (кстати, здесь патриаршее воззвание спровоцировало и еврейский погром), на Дону, в Тульской, Астраханской, Ярославской, Новгородской губерниях, в Чувашии...

Чем объяснить столь яростную вспышку негодования верующих по поводу изъятия драгоценностей? Скажем, когда в 1918—1919 годах специальные комиссии вскрывали и обследовали мощи святых, тоже были недовольные. Но недовольство верующих не принимало такие формы, как в 1923 году, когда для пресечения расправ над членами комиссий и милиционерами приходилось вызывать даже конные части. Объясняется это тем, что патриарх Тихон объявил членов комиссий святотатцами. Сегодня это слово многими толкуется как кощунство, оскорбление чего-либо очень чтимого. Вероятно, какая-то часть населения в таком толковании воспринимала его и в двадцатые годы прошлого века. Но большинство-то правильно понимало его значение: святотатство — это воровство церковных святынь. И вполне понятно, что верующие без колебаний встали на их защиту от воров...

Патриарх в своем послании сослался на 73 правило Апостольское и 10 правило Двукратного Вселенского Собора. Эти правила относятся к "Священным преданиям", которые христианством воспринимаются как божественное откровение. Еще во время следствия по делу Тихона и его сподвижников экспертиза (а она состояла из церковников) установила, что патриарх необоснованно сослался на эти правила, ибо они предусматривают наказание для лиц, присваивающих церковные предметы для собственных нужд. Но мы, не связанные рамками следствия, можем взглянуть на утверждение Тихона, что он руководствовался церковными канонами, через призму другого "божественного откровения", если так позволительно сказать, еще более божественного — через призму "Священного писания".

Допускает ли вообще "Священное писание" использование священных сосудов, так сказать, в мирских целях? Оказывается — да! "Суббота для человека, а не человек для субботы" — это основополагающий подход, это говорит сам Иисус Христос (Евангелие от Марка, 2, 25). Аналогичные указания содержатся в Евангелиях от Матфея (12, 3—12) и от Луки (3—5). Сами же "Священные предания" прямо допускают использование священных сосудов — их продажу в не богослужебных целях. Или патриарху Тихону неизвестны были "божественные откровения"?

И последнее о чем я хочу рассказать — об указе патриарха, который нередко называют постановлением о децентрализации Церкви. Это постановление, принятое 18 мая 1920 года, предоставляло епархиальным архиереям права решать на местах все церковные дела в случае прекращения связи с центром. На первый взгляд решение выглядит вполне естественным: идет гражданская война, связей у патриарха со многими архиереями нет. Но вроде бы как позновато оно принято? Пораньше бы его принять, когда были Юденич, Колчак, Деникин, когда действительно большая часть приходов была изолирована от центрального управления, а украинские приходы взял под свою юрисдикцию глава польской православной церкви митрополит Дниосий!.. Но к маю 1920 года патриарх не мог управлять лишь относительно немногочисленными дальневосточными епархиями да крымскими приходами. Да в Крыму еще сидел Врангель, но было очевидным, что его сидение на полуострове — дело времени.

Поэтому есть основание поставить вопрос: не был ли этот акт предпринят в связи с ожидаемым бегством остатков белогвардейских войск и обслуживающего их духовенства за пределы России? Надо принять во внимание, что Церковь — чрезвычайно централизованная и регламентированная организация, никакая самостоятельность священнослужителей не допускается, ибо это отход от канонов и, следовательно, ересь. Армейские порядки по сравнению с церковными, можно сказать, — правила поведения в клубе по интересам. Простейший пример. В армии при определенных условиях рядовой может принять на себя командование отделением, взводом, ротой, теоретически любой воинской единицей, не получающей приказов вышестоящих начальников. И такой самозванный командир может назначать по своему усмотрению оказавшихся в его подчинении военнослужащих на вакантные руководящие должности. В Церкви ничего подобного невозможно. Никто не может назначить себя священником, возложить на себя сан епископа, взять на себя управление епархией... Короче, самостоятельные действия без разрешения высшей власти Церкви невозможно.

Но, естественно, что такие обстоятельства возникали, и христианские Церкви научились их обходить, вернее, находить выход из таких положений, не отходя от принципа централизации. В нашем случае это выглядело так. Патриарх Тихон разрешил, "если епархия вследствие

продвижения фронта, изменения государственных границ, и тому подобного (обратите внимание на это расплывчатое "тому подобное" — авт.) окажется вне всякого общения с В. Ц. Управлением, или само В. Ц. Управление прекратит свою деятельность, создавать централизованное управление в виде "Временного Церковного правительства или Митрополичьего Округа, или еще иначе".

Какими бы соображениями не руководствовался Тихон, "тому подобные" и "еще иначе" позволили создать Русскую Зарубежную Церковь, ставшую духовным оплотом контрреволюционеров в эмиграции. Именно это постановление позволило наиболее реакционной части эмигрантского духовенства "канонически" создать так называемый Карловацкий Синод. Это именно карловацкие слуги божьи обратились после принятия декрета об изъятии церковных ценностей к делегатам открывшейся 10 апреля 1922 года Генуэзской конференции с призывом организовать крестовый поход против большевиков и не помогать голодающим, так как голод может помочь свергнуть Советскую власть. Это они, божьи слуги, стали прислужниками Гитлера.

Да, был (8 октября 1919 года) патриарший призыв: "не подавайте никаких поводов, оправдывающих подозрительность советской власти", который впоследствии иерархи Московской патриархии стали трактовать как запрещение духовенству бороться с Советской властью. Да, 5 мая 1922 года "Указом Святейшего Патриарха Тихона и соединенного присутствия Священного Синода и Высшего Церковного Совета" Карловацкое Всеамериканское Высшее Церковное управление было упразднено, а Карловацкий Собор, создавший это управление, признан не каноническим. Но поезд, как говорится, со станции ушел, зеленый свет ему дал сам патриарх...

И все-таки патриарх Тихон — хочу еще и еще раз это подчеркнуть, так как из него делают и жертву власти, и негнбимого борца с ней — нашел в себе силы пересмотреть отношение

к народной власти. В последние годы жизни патриарх никогда не выступал против Советской власти. А последний подписанный Тихоном документ — 7 апреля 1925 года за несколько часов до смерти — был прямым осуждением антисоветской деятельности, призывом "подчиняться Советской власти не за страх, а за совесть", установить с властью "чистые искренние отношения", ибо "Советская власть — действительно Народная Рабоче-Крестьянская власть".

Второе наступление

Патриарх Тихон, сказав "а", то есть осудив антисоветскую деятельность и заверив правительство в том, что Церковь никогда впредь не будет ею заниматься, не произнес "б", не предпринял настойчивых шагов к легализации Церкви, т. е. к формальному, через соответствующее решение, признанию ее государством. Как и в наши дни, тогда таким формальным признанием являлась регистрация Церкви как общественной организации.

Без акта регистрации нельзя было провести Собор даже в связи с таким обстоятельством, как необходимость избрания нового патриарха. В глазах власти это было бы лишь собрание единомышленцев, а коль власть, которая от Бога, не признает его за правомочный церковный собор, то — грош цена и ему, и избранному на нем патриарху. Правда, месяца за два до смерти патриарх направил в НКВД письмо с просьбой зарегистрировать находящийся при нем Синод ("прошу зарегистрировать Священный при мне Синод, в качестве исполнительного органа"). Но со смертью автора заявления вопрос снялся сам собой.

А между тем положение Русской православной церкви, возглавляемой Тихоном, было крайне тяжелым. Со смертью патриарха оно усугублялось. Временами, в 1922 году, когда от "патриаршей" откололось почти 20 тысяч храмов, в 1923 году, когда собор "изверг" его из сана и даже из монастыря, после его смерти, когда в конце 1925 года был создан Временный Высший Церковный Совет "для церковного управления" Церковью, казалось, что некогда мощная единая организация вот-вот распадется.

Вопреки нынешним разглашениям антисоветчиков о том, что угроза существованию единой Русской православной церкви таилась в политике "богоборческой" власти, в действительности она исходила от мощного "обновленческого" движения внутри самой Церкви. В церковной литературе оно получило название расколов, иногда — "левых". Богословы и историки-апологеты Церкви рассматривают их исключительно с точки зрения церковных канонов, умалчивая вовсе или искажая побудительные мотивы поступков обновленцев. Самое большее на что идут такие исследователи обновленчества, это на признание некоторых целей, провозглашенных "раскольниками": установление мирных отношений между Церковью и властью, укрепление начал соборности в управлении Церковью, сохранение православия, догматов и канонических определений Вселенских и Поместных Соборов.

Такие цели действительно провозглашались обновленцами (движение состояло из Живой церкви, Союза общин древнеапостольской Церкви и Союза церковного возрождения). Однако подоплека его была вовсе не религиозная, а политическая и, такое утверждение не будет большим преувеличением, классовая. Руководители обновленческих организаций (при разном их прошлом: руководитель Живой Церкви Красницкий был уличен даже в связях с черносотенцами) выступали за безоговорочную поддержку Советской власти, резко критиковали патриарха и его окружение за их монархические взгляды, за борьбу с новой властью. На соборе в апреле 1923 года обновленцы прочитали "Многие лета" Советскому правительству, послали приветствие В. И. Ленину как "борцу за великую социальную истину". Понятно, что такое поведение церковных деятелей не могло не найти поддержки среди простых верующих. Насколько обновленчество было серьезным движением, хотя патриаршее духовенство постоянно пытается принизить его масштабы, говорит и тот факт, (они сами признают), что движение заглохло в 1946 году, после смерти А. И. Введенского, духовного, а затем и официального вождя обновленчества.

Собственно в России обновленческий раскол охватил преимущественно епархии центральных и южных районов. В конце 1925 года возник еще один раскол, получивший название "григорианского", по имени архиепископа Григория, посчитавшего, что под руководством местоблюстителя престола митрополита Крутицкого Петра Церковь вернулась "к самым темным временам своего бытия". Обновленчество затронуло и Украину. В 1925 году собор обновленцев в Москве представил там своим сторонникам автокефалию. К этому времени на Украине уже существовала автокефальная церковь, возглавляемая В. Липкивским. Но расколами в большей или меньшей мере были охвачены и другие епархии — в Белоруссии, Поволжье, Сибири.

Вот в такой непростой обстановке для Русской православной церкви, к тому же совершенно запутавшейся в выяснениях, кто является ее каноническим главой, Церковь возглавил митрополит Нижегородский Сергей. В общественном сознании укрепился взгляд, что после того, как митрополит Сергей и группа его единомышленников, входивших во Временный Патриарший Священный Синод, опубликовали 29 июля 1927 года послание об отношении РПЦ к гражданской власти, получившее в обиходе название "Декларации о лояльности", духовенство стало раз и навсегда верным провозглашенным в документе принципам. Это не так, далеко не так. Не будет никаким преувеличением сказать, что принятие Декларации вызвало вторую волну антисоветских выступлений церковников.

Понятно, что захлебывающиеся от злости божьи слуги уже не имели серьезных возможностей для организации антисоветских выступлений верующих. За их спинами уже не стоял глава Церкви с его авторитетом. Авторитет Тихона, осудившего антисоветизм и признавший Советскую власть действительно народной, работал против антисоветчиков. А главное — автори-